

КАЗАҚСТАН ХАЛЫҚТАРЫ
ТІЛІНДЕГІ ӘДЕБИЕТТЕР

ЛИТЕРАТУРА
НАРОДОВ КАЗАХСТАНА

А 2008

781к

ТЫНЫМБАЙ НУРМАГАНБЕТОВ

Старик,
верблюдица
и ветер

ҚАЗАҚСТАН ХАЛЫҚТАРЫ
ТІЛІНДЕГІ ӘДЕБИЕТТЕР

ЛИТЕРАТУРА
НАРОДОВ КАЗАХСТАНА

ТЫНЫМБАЙ
НУРМАГАНБЕТОВ

Старик, верблюдица и ветер

Рассказы и повести

*перевод с казахского
Герольда Бельгера*

“Ер-Даулет”
Астана
2007

ББК 84 Каз 7-44
Н 490

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**ВЫПУЩЕНО ПО ПРОГРАММЕ КОМИТЕТА
ИНФОРМАЦИИ И АРХИВОВ**

Нурмаганбетов Т.

Старик, верблюдица и ветер. /Пер. с каз. Г. Бельгера.

Н 490

– Астана: Ер-Даулет, 2007. /320 стр.

ISBN 9965-436-40-1

Тынымбай Нурмаганбетов – многогранный литератор. Еще первый его сборник рассказов «Запах дыни» (1971 г.) привнес в казахскую литературу свежую струю, новое дыхание, юмор аульчан – дехкан, скотоводов, незатейливые народные характеры, причудливые типы, запахи, ветер и зной пустынь, степей, красочную, живую речь аульных жителей, милое, обаятельное простодушие обитателей присырдарьинской глухомани, изображенные бесхитростно, доступно, доходчиво, окрашенные кизячным дымком, овеванные романтико-экзотичным флером искренней сыновней любви к родной земле, к священному очагу предков.

Жаль, что многие его произведения еще не переведены на русский язык. И хочется надеяться, что предлагаемый сборник в какой-то мере восполнит этот досадный пробел и даст русско-язычному читателю представление об одной грани его таланта – о казахском новеллисте майлинской школы.

4702250201

Н----- объяв. 2007

00 (05) -07

ББК 84 Каз 7-44

ISBN 9965-436-40-1

© Нурмаганбетов Т. 2007

© “Ер-Даулет”, 2007

ПАРАМЕТРЫ ТАЛАНТА

Исхожу из того, что имя видного казахского писателя Тынымбая Нурмаганбетова русско-язычному читателю недостаточно известно, и потому, полагаю, есть смысл предварить данную книгу не пространной обзорной или аналитической статьей, а коротким предисловием, в котором попытаюсь определить ИСТОКИ, основные ГРАНИ и МОТИВЫ его творчества.

* * *

На крутые вершины реализма казахская художественная проза, на мой взгляд, взметнулась в 60-е годы прошлого века. Тот поистине знаменательный скачок, заметный прорыв до поры до времени, весьма скованной, как по содержанию, так и по форме национальной литературы, был, бесспорно, обусловлен животворными традициями ауэзовской эпической прозы, приобретшей мировое признание. Мощный этот импульс невероятно расширил границы национального художественного самосознания и мировосприятия.

Однако уже два десятилетия спустя обнаружился едва видимый неусушенному глазу спад, о чем, опять-таки, по моему мнению, ярко свидетельствовал последний обстоятельный доклад Габита Мусрепова, произнесенный им с трибуны Союза писателей Казахстана.

Впрочем, такой диалектический, естественный процесс развития характерен не только казахской литературе. Разве после Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Островского, Толстого, Чехова русская литература в XX веке не пережила такой же спад? Разве нечто подобное не произошло и во французской литературе после Бальзака, Стендаля, Золя, Мериме?

Можно углубиться и в более древние времена. Приливы и отливы, подъем и спад перемежаются искон, века изначально во всех проявлениях человеческого духа.

Иосиф Бродский отмечает два основополагающих начала, две школы русской прозы – Толстого и Достоевского. Реалистические традиции Толстого обрели свое глубокое развитие в России, а традиции Достоевского оказали неизгладимое влияние на литературу Запада. С этим, пожалуй, можно согласиться. Однако не следует упускать из виду и третью школу – Чехова. Не так ли?

Если проецировать это мнение на казахскую литературу, то и тут напрашивается очевидная аналогия о двух началах, двух направлениях, двух школах, двух традициях, определивших путь национальной прозы – Мухтара Ауэзова и Беймбета Майлина. О художественных традициях Мухтара Ауэзова, русский читатель, надеюсь, хорошо осведомлен, эти традиции пустили свои корни на века, а Беймбет Майлин, расстрелянный в 1938 году как враг народа, был трагически отлучен от читателя вплоть до 60-х годов, а потому его традиции в казахской прозе менее наглядны. Адептов, подражателей потом появилось множество. И почудилось, что писать помайлински очень просто: опиши, мол без прекрас пыль бытия, скалькируй все подряд с натуры, и вся недолга. Подражателей Майлину таким образом оказалось немало, но редко кого из казахских прозаиков можно доподлинно причислить к его школе. Талант Беймбета Майлина соотносим с талантом Антона Чехова, он ему сопригорожен по многим параметрам, он также умел из бытовой мелочи, из миниатюры, из крохотного факта выжать, определить, вычленишь, обнажить крупное общественно-социальное явление.

Я несколько пространно говорю об этом, чтобы нагляднее определить природу таланта, ИСТОКИ творческой линии признанного казахского новеллиста Тынымбая Нурмаганбетова, о книге которого, собственно, идет здесь речь.

* * *

Тынымбай Нурмаганбетов – многогранный литератор. Еще первый его сборник рассказов «Запах дыни» (1971 г.) привнес в казахскую литературу свежую струю, новое дыхание, юмор аульчан – дехкан, скотоводов, незатейливые народные характеры, причудливые типы, запахи, ветер и зной пустынь, степей, красочную, живую речь аульских жителей, милое, обаятельное простодушие обитателей присырдарьинской глухомани, изображенные бесхитростно, доступно, доходчиво, окрашенные кизячным дымком, овеванные романтико-экзотичным флером искренней сыновней любви к родной земле, к священному очагу предков.

Читателю стало ясно: в литературу пришел даровитый писатель со своим индивидуальным мировидением и духоустройством.

За десятилетия напряженной работы в литературе Тынымбай проявил себя блистательным новеллистом, повествователем с реалистическим, этнографическим, бытописательским, психологическим, лирическим уклоном, романистом, признанным

драматургом, исследователем, ратующим за строгую правду в освещении национальной истории.

Жаль, что многие его произведения еще не переведены на русский язык. И хочется надеяться, что предлагаемый сборник в какой-то мере восполнит этот досадный пробел и даст русскоязычному читателю представление об одной грани его таланта – о казахском новеллистике майлинской школы.

* * *

В данный сборник Тынымбая Нурмаганбетова вошли, главным образом, произведения, переведенные в разные годы Герольдом Бельгером. Разумеется, они составляют лишь небольшую часть творчества казахского прозаика. Однако и она позволяет точно определить основные художественные мотивы его творческой палитры. Более ранние рассказы и новеллы (в европейском понимании) Тынымбая («Дочери старика Али», «Поливальщик», «Алабас», «Вечерние аульные беседы», «В глуши», «Бадигуль») всецело посвящались аульной жизни, своеобразному восприятию мира людьми казахстанской глуши, неприятию инобщития, милым чудачествам аульчан, простодушным людским отношениям, замешанным на первоначальных нравственных устоях степного бытия. Отличительные черты этих рассказов – крепкая реалистическая основа, живое, увлекательное повествование, сочные диалоги, детская непосредственность героев, добрый юмор, заставляющий читателя порой прослезиться от удивления, сочувствия и сострадания; национальный колорит, светлый лиризм и тонкий психологизм. Не стану здесь приводить примеры, иллюстрируя сказанное выше, всецело надеясь на чуткого читателя, который при чтении убедится в том сам.

Будучи ярким представителем майлинской школы прозы, Тынымбай не останавливался в освоенной им однажды повествовательной и изобразительной тональности. Талант его расцветая от рассказа к рассказу. Вспомним его новеллу «Старик, верблюдица и ветер». Здесь нетрудно заметить сильные стороны тынымбаевского дарования – юмор (не очень то, кстати, свойственный Мухтару Ауэзову и даже Габиту Мусрепову), лиризм и психологизм, но и саркастические мотивы, глубокие общественно-социальные потрясения, охватившие казахов в определенный исторический период и трагически взломавшие привычный уклад. На мой взгляд, это произведение казахского прозаика стоит в ряду лучших творений мировой новеллистики.

Новизной отличился рассказ «Клец» с его трагикомическими, фантазмагорическими превращениями, нещадно сатирическими, гротескными нотками. «Клец» положил начало новому

направлению в творчестве Тынымбая. Несколько лет спустя, один за другим появились в казахской периодике рассказы «История попугая», «Симптомы национальной болезни», «Афганские скворцы», «Таинственные встречи». Этими рассказами Тынымбай решительно раздвинул горизонты майлинской школы. Новизна этих творений поразила читателя, озадачила критиков. Привычные мотивы Тынымбая обрели вдруг фантастические черты, трагизм, философичность, острый социальный и политический накал, жгучий, актуальный подтекст, злободневные реминисценции, яростное неприятие современных реалий, взбудораживших общество. Палитра художника обогатилась публицистичностью и гражданственностью. Рассказ «Таинственные встречи» овеян мистикой – именно таким приемом автору удалось проникновенно поведать о трагических событиях 1986 года, когда против тоталитарной системы яростно и убежденно поднялась казахская молодежь. Последствия тех событий трагическим образом перепахали душу нации, по-разному отозвавшись в национальном Духе, породив и надежды, и разочарования.

Через судьбы простых людей Тынымбай затрагивает глобальные общественно-социальные проблемы, беспощадно вскрывает язвы общества, ставит точные диагнозы национального недуга. Мастерски используя разные литературные приемы, он заставляет читателя задумываться о проклятых вопросах бытия, исподволь настраивая его на борьбу с произволом, насилием, злом, коварством и подлостью, разъедающие веками проверенные генетические устои народа.

В этом я вижу грани его взыскующего таланта, суть его творческих поисков и свершений. Впрочем, я желаю читателю самому убедиться в этом, познакомившись с его произведениями, включенными в данный сборник.

**Амангельды Кеншиликулы,
лауреат Международной
премии «Алаш»,
критик.**

ПОЛИВАЛЬЩИК

Говорливый студеный родник, пробив склон небольшой горы, щедро наполнял прозрачной водой все арыки аула Кайрак и широко растекался вдали, в сизой степи. Аул, обосновавшийся у благодатного источника, разумеется, никогда не испытывал нужды в воде. Ею издавна пользовались, кому как приходило в голову. Поливали сады и огороды, отводили в любом месте канавки и месили глину на саман. Иные даже купали в ней мелкий скот. А раз воды вдоволь, то гусей и уток развелось в ауле видимо-невидимо.

Лет пять тому назад совхозное руководство решило засеять широкую равнину за поселком клевером. Весть эта была встречена всеми сочувственно. Ну и правильно, – рассудили аулчане. – Не пропадать же земле. А лишний корм скоту – не помеха. Также, вполне благосклонно, отнеслись они и к другой вести – о том, что поливальщиком этого поля назначен Жаманкул: – Ну что ж... Кому же еще поливать, как не Жаманкулу?!

В первый год урожай обрадовал всех. Поле распространило по всей округе свой неповторимый аромат.

До осени клевер косили четыре раза. Возле совхозной фермы горой возвышались зеленые скирды, радуя сердца скотников. По всему району сразу заговорили о двухгодичном запасе. Жаманкул от неожиданной славы не чувствовал под собою ног. Его, принаряженного, горделивого, отныне все чаще видели на автобусной остановке. То он спешил на центральную усадьбу, то в райцентр на какое-нибудь совещание. В районной газете появилось несколько заметок с его портретом. Взойшла счастливая звезда Жаманкула, – говорили люди.

Но уже на следующий год аул подстерегла беда. Ни с того ни с сего родник захирел. Оскудели вмг обычно переполненные арыки. Люди встревожились, зароптали. Одни обрушились на совхозное начальство: Клевера им побольше захотелось! И на все – один крохотный родник. Небось и без этого клевера совхозный скот не подох бы. Зато были бы с водой. Другие во всем обвиняли одного Жаманкула: Это он растрезвонил на собрании, будто собирается косить нынче пять раз. Язык-то у него без костей, вот и мелет что попало. Мало, что ли, ему было прошлогоднего клевера?! Посмотрим еще сколько он накосит!

Словом, наступили для беспечных кайрактинцев тревожные времена.

И, казалось, один лишь Жаманкул спокойно занимался своим делом. С ранней весны пропадал он на клеверном поле. Чистил арыки. Правил кетменем канавки. И снова клевер взойшел густо, дружно.

Приближалось время первого полива. Однажды на поминках, где, как водится, собираются и стар, и млад, Жаманкул, прислонившись плечом к стене, достал из-за пазухи блокнот в черном блестящем коленкоре. Аулчане затихли, предчувствуя что-то неладное...

– Оу, слушайте все! – торжественно начал Жаманкул и вскинул над головой толстый блокнот. – В этой книжке записаны все дома нашего аула. Предупреждаю с сегодняшнего дня раздолью с водой положен конец. Поливать сады теперь будем по очереди. Поняли? Те времена, когда иной поливал с утра до вечера и превращал свой участок в пруд, прошли. Каждому отводится строго определенное время. Не уложился в это время – пеняй на себя. А чтобы не было недоразумений и стычек, вот... И Жаманкул поднял над головой древние карманные часы величиной с блюдце на длинной темной цепочке.

Аулчане озабоченно молчали. Многие только сейчас почувствовали, что с Жаманкулом шутки плохи. Никто раньше и не предполагал, что у этого тихони столь властный и крутой нрав.

Вскоре Жаманкул обрушил свой гнев на гусей и уток, мирно плавающих в арыке.

– Клевер – культура благородная, нежная, – сказал он. – Нельзя, почтенные граждане, поливать его грязной водой. Так что сокращайте ка ноголовье пернатых.

И что же? Нашлись ведь такие. Начали сокращать. То в одном доме, то в другом забивали птицу. Люди лакомились нежной гусятиной и утятниной, а кое-кто из остряков, вытирая ладонью жирные губы, благодарил Жаманкула, по воле которого так долго пировал аул.

Потом поливальщику не понравилось, что аульные молодки берут воду прямо из родника.

– Вы что же это? Вам ведь ничего не стоит опоганить или затоптать родник! А вода из ключа и так еле сочится. Нечего тут греметь ведрами. Берите воду из арыка!

Языкастые бабы, которым палец в рот не клади, почему-то не осмеливались схлестнуться с Жаманкулом. Их только и хватало на то, чтобы проворчать что-то невнятное ему вслед.

Вот так неожиданно-негаданно пятьдесят дворов кайрактинцев оказались в полной зависимости от поливальщика. Аксакалы, обмениваясь новостями со сверстниками из других аулов, глубокомысленно говорили о духе Жаманкула, витающем отныне над Кайраком.

Между тем, поливальщик, познав вкус власти, уже не знал, к кому и как придраться. Теперь его приводила в ярость вода в ведрах и флягах у порога каждого дома.

– Дай вам волю, – вы и капли воды не пустите на клевер, – ворчал он на аулчан. – Это куда годится, у каждого дома по три ведра! Сто пятьдесят ведер на один аул! Сколько земли можно полить этой водой, представляете? Если вы не образумитесь, я позабочусь, чтобы в магазинах не продавали больше ведер. Тогда посмотрю, как вы будете запасаться водой! Может, оставите, наконец, родник в покое!

Аулчане от удивления только языками цокали да взывали к милости Аллаха. Старики настаивали: Помянете наши слова. Добром это не закончится». Кое-кто спешно вырыл во дворе колодец, предпочитая обходиться без привычной родниковой воды, лишь бы не иметь дело не в меру ретивым поливальщиком.

Старики оказались правы. Добром это не закончилось. Да и биток Жаманкула, как говорится, не всегда падал жохом.

...Шел как-то Жаманкул вдоль головного арыка к роднику. Шел степенно, важно, оглядывая все вокруг хозяйским взглядом. Брови его были нахмурены, зрачки поблескивали сурово.

Вообще в ауле и раньше поговаривали, будто взгляд Жаманкула обладает недоброй магической силой. Первым распустил этот слух его же сосед, черный, круглый, как колобок, старичок. У него однажды подох молодой теленок, и это несчастье он упрямно приписывал глазу Жаманкула. Люди почему-то охотно поверили рассказам старика. С тех пор при виде Жаманкула, аульские бабы прикрывали своих малюток подолом платья или поспешно вымазывали им лица сажей, оберегая таким испытанным дедовским способом от дурного глаза.

Так вот, пошел, не торопясь, Жаманкул в тот злосчастный день вдоль арыка и вдруг увидел, как кто-то отвел почти у самого устья канавку и втихомолку поливает свой сад. Жаманкул вначале глазам своим не поверил. Даже застыл, как вкопанный, от удивления. Так это ведь грабеж среди бели дня! – опомнившись велух сказал он. - Выведу же я тебя, кто бы ты ни был на чистую воду!

Жаманкул круто свернул, пошел вдоль канавки и вскоре убедился, что воду захватил вне очереди молодой тракторист Муртгаш. Поливальщик ринулся было с кетменем в руке к его дому, но тут же одумался. Благоразумнее, пожалуй, будет вызвать строптивца к себе и отчитать так, чтобы он вообще забыл дорогу к роднику! Да и не к лицу ему, почтенному Жаманкулу, ходить в дом к какому-то мальчишке и затевать с ним, на утеху аулчанам, перебранку.

Жаманкул подозвал мальчонку, игравшего возле сарая, и велел ему немедленно позвать Муртгаша.

– Скажи, что сам Жаманкул требует его к себе!

В грозной позе, опираясь на кетмень, ждал его поливальщик возле головного арыка. Ждать пришлось долго. Муртгаш – маленький, щуплый, невзрачный человек, плелся навстречу, будто считал в уме каждый шаг. Глядя на его походку, можно было подумать, что виноватым был не он, а сам поливальщик. Жаманкул, забыв про степенность, бросился к нему с криком:

– Эй, ты! Кто тебе дал право самовольно брать воду? Кто, я спрашиваю?!

Муртгаш однако оказался, не из робкого десятка. Визгливым бабьим голосом обрушился на Жаманкула:

– Чего орешь? Родник тебе от отца, что ли, в наследство достался? Или я, по-твоему, от мачехи родился? Если у меня сад горит, у тебя, что ли, божью воду вымалывать? Хочу поливать – поливаю! И тебя не спрошу. Вот!!!

От слов таких Жаманкул и вовсе рассвирепел:

– Ну, тогда я тебе покажу, что значит водой без спросу пользоваться!

Он набросился на неказистого тракториста, совершенно уверенный, что легко придавит его своей тушей, но не тут-то было. Не успел Жаманкул и глазом моргнуть, как растянулся на земле, да не просто на земле, а еще и под коротышкой Муртташем. От обиды и позора, Жаманкул завопил дурным голосом на весь аул. В одно мгновение сбежался народ, разнял драчунов. Пустите меня... пустите! – хрипел Жаманкул.

Двое джигитов привели его домой. Но и дома он долго не мог успокоиться:

– Не-ет... Я это так не оставлю. Я ему покажу! Я найду на него управу!

Успокоившись, Жаманкул придирчиво оглядел себя. Та-ак... ворот рубахи изорван, и на лице две царапины. Вон как... Даже кровь выступила. Да и руку, что недавно невзначай порезал серпом, – тоже сюда... Пожалуй, есть все основания показаться милиции, составить акт.

Весть о том, что Муртташ побил грозного поливальщика, облетела аул еще до наступления сумерек. Мальши носились по улицам, и, как нечто небывалое, передавали всем ошеломляющую новость: Слышали, Муртташ поколотил поливальщика!

Иным и этого казалось мало.

Какое там поколотил! – шептались по углам... – Чуть-чуть не убил. Да, да! Еле отняли. И до глубокой ночи кружились любопытные мальчишки вокруг дома Жаманкула, заглядывали в окна, двери, свистели и улюлюкали.

Ночью, лежа в постели, Жаманкул долго размышлял о случившемся и тщательно продумывал план мести:

Ну, хорошо. Съезжу я в район, зайду в милицию. Выложу все, как было. Там возьмут да и спросят: Кто первым начал скандал? – Что я тогда отвечу? Вот тут-то сам и окажусь в дураках. Надо мною же посмеются. Выходит, никакой выгоды нет. А расходы наверняка заметные. Дорога в один конец – рубль двадцать пять. Дорога назад – еще рубль двадцать пять. А разве два пятьдесят – не деньги? Это же два кило сахара и две пачки индийского чая. Да-а....

Накладно получается...

Опять же в милиции могут сказать: Зайди завтра или послезавтра. А где я возьму два пятьдесят на каждый день? К тому же в районе меня не ждут ни брат, ни сват. Значит, поневоле завернешь в столовую... Э, не-ет... – решил он, уже засыпая. – Лучше уж никуда не ехать.

Утром, проснувшись, Жаманкул опять надолго задумался. На душе было мутно. Промолчать после вчерашнего шума, и сделать вид, будто ничего не случилось, нельзя. Засмеют. На всю жизнь опозоришься. Выход один – ехать. Он нехотя встал, помылся, выцедил чашку квашеного молока. Потом велел жене подать серые выходные брюки и черную сорочку с короткими рукавами. Подумав, решил ехать не в сапогах, а в старых, хорошо разношенных ботинках. Рубаху с разорванным воротником завернул в газету. Денег взял немного, лишь на один день.

Дом он покинул неохотно, к стоянке автобуса шел через силу и тщетно старался возбудить в себе вчерашнюю ярость. Ехать не хотелось, хоть убей. Было бы здорово, если бы задержался автобус или лучше, вообще бы не прибыл. Только разве так бывает? Когда не надо, он, как нарочно, выныривает из-за угла раньше времени. Вот он стоит, глаза мозолит, словно специально, его, Жаманкула, дожидается. Поливальщик гневно глянул на шофера и невольно поплелся к кассе. Он уже протянул было деньги в окошечко, как неожиданно вырос подле него старик Мырзабек. Тут же подошли и те двое, что вчера провожали Жаманкула до дому.

– Ну, дорогой, куда путь держишь?

– В район, – буркнул Жаманкул, отворачиваясь.

– По делу, что ли? – поинтересовался Мырзабек, стараясь встать к нему лицом.

– Так, в милицию.

– Вот-те раз! А чего ты в милиции потерял? Повздорил с Муртташем и теперь судиться, что ли, вздумал? Ну и ну! Джигит! Ничего не скажешь!.. Опомнись, Жаманкул, дорогой. Кто ты и кто этот Муртташ? Ты, слава Аллаху, один из почтенных людей аула. Наша, можно сказать, опора. А Муртташ – юнец, сопляк. Так, по правде говоря, он ведь тебе братишка. Не так разве? Не чужой же. Ну, сам подумай, загонишь своего братишку в каталажку и будешь торчать один, как пень, возле арыка. Хорошо тебе будет? Радостно тебе будет? Народ тебе спасибо скажет? Нет, милый, не делай глупости. Одумайся. Оставь милицию в покое. У нее и без тебя хлопот хватает. А Муртташ соберется у тебя прощение просить. Вот эти джигиты по его просьбе только что ярку зарезали. Будь разумным и прости его, за дастарханом, при всем народе.

Пока старик увещевал Жаманкула, автобус хлопнул дверцей и взревел мотором. Жаманкул спохватился, ринулся вперед, но двое джигитов, как и вчера, схватили поливальщика за руки:

– Эй, эй, дорогой... Уступи нашей просьбе. Уйми свой гнев...

Жаманкул невольно улыбнулся. Он изо всех сил старался удержать на лице грозное, непреклонное выражение, но из этого так ничего и не получилось. В глазах вспыхнули искорки радости, и губы помимо желания, расплылись до ушей.

– Ладно уж... Бог с вами, – сказал он снисходительно. – Я только загляну домой. – И, вконец успокоенный, повернул обратно. Широкие штанины полоскались на ветру.

* * *

Случай этот хотя и оставил у Жаманкула неприятный осадок, однако авторитету его ощутимого урона не нанес. Наоборот, люди стали пуще прежнего опасаться поливальщика. Правда, находились горлопаны, которые порицали Жаманкула, но их неумный пыл тут же охлаждали трезвые головы.

Ойбай, помалкивайте лучше. Что вам, жить надоело? Вон, бедняга Муртташ, подрался с Жаманкулом, а что из этого вышло? И овцу

пришлось резать, и чапан на плечи ему бросить, и прощение при всем ауле просить. Еле-еле от беды отделался. Так что, милые, будьте благоразумны.

Ну, конечно, кто себе желает худа? Стали в ауле стороной обходить поливальщика. На сборищах при нём помалкивали. На пиру от него отодвигались подальше. Нашлись и такие, кто угодливо заглядывал ему в глаза. Старики из соседних аулов при встрече с аксакалами Кайрака первым делом спрашивали, как поживает почтенный Жаманкул. И при этом называли его не просто по имени, а уважительно-учтиво Жамеке или Жаманкулеке.

...И очередной урожай был богатым. Еще до наступления знойного лета клевер косили дважды. Жаманкул теперь не давал проходу самому совхозному начальству, которое несвоевременно обеспечило его необходимой техникой. Газеты расхваливали знатного мираба. И когда он уже собрался в третий раз косить клевер, его вдруг послали на областное соревнование поливальщиков.

Жаманкул опять вырядился в серые выходные брюки, черную, с короткими рукавами сорочку и отправился в путь. В районе его принял сам заведующий сельхозотделом, сказал приятные, напутственные слова и напоследок даже по плечу похлопал.

Десять знатных мирабов, собравшихся со всей области, приехали на картофельное поле пригородного совхоза. Здесь провели собрание, поздравили участников соревнования с торжественным событием в их жизни познакомили с членами жюри. Потом каждому выделили на поле по пятнадцать рядов. Победителем будет считаться тот, кто раньше всех польет свой участок.

Жаманкул приступил к работе засучив рукава. Сразу же разулся, закатал выше колен штанины, потом, подумав, скинул и черную сорочку. Он не взял, как другие, в руки первый попавшийся кетмень, а выбирал его долго, осмотрительно. Арык проходил посередине поля, надо было умело отводить от него канавки и направлять воду по грядкам.

Привычная работа доставляла удовольствие. Отточенный кетмень в руках Жаманкула поблескивал на солнце. Вода весело бежала по канавкам. Иные соперники не в силах были укротить упругий ручеек. Жаманкул, косясь по сторонам, усмехался:

Эх, тоже мне, поливальщики! Срамота!

Однако и он переоценил свои возможности. Полить пятнадцать рядов оказалось делом нелегким. Поле было неровным, вода то и дело разливалась по краям, выбирала неожиданные русла, стекала в ямки, в рытвины. Приходилось все время править канавки, то углублять их, то укреплять насыпь. К тому же и поле давно не поливали, картофельная ботва высохла, пожухла. Казалось, поднимется ветер и разнесет ее. Иссохшая, истре-сканная земля жадно впитывала воду, и Жаманкул недобрыми словами помянул мираба здешнего совхоза:

— Тебя бы, нечестивца, столько времени продержать на солнце без воды! И как только таких земля носит?! Небось, шляется по аулу и

поливальщиком себя называет. Посмотреть бы на тебя, какой ты есть! Аллах свидетель, и облик-то, наверное, нечеловеческий...

Жаманкул, не разгибая спины, тюкал кетменем, направляя мутный ручеек, и чувствовал, что пока идет первым. Пот катился с него градом, в поясице ломило. Раза два он оглянулся назад. Кто-то из соперников только-только отвел от арыка канавку. Жаманкул еще раз снисходительно хмыкнул.

Он уже не сомневался в том, что раньше других справится с заданием, и все чаще искал глазами членов жюри. Среди участников соревнования находилась одна девушка. Стройная, улыбчивая, разнаряженная и такая беленькая, гладкая, что можно подумать, ее никогда не касались солнечные лучи. Жаманкул решил про себя, что она никакая не поливальщица, а скорее всего артистка, приглашенная выступить для них с концертом.

Теперь эта красотка с кетменем в руке прохаживалась вдоль картофельного ряда. Жаманкулу показалось, что члены жюри как-то очень уж восхищенно поглядывают на нее! Один даже подошел и что-то сказал ей. Красотка только белозубо улыбнулась. Жаманкул рассмеялся: Каких только поливальщиков не бывает на свете!..

Солнце едва перевалило зенит, когда Жаманкул закончил полив. Он так вымотался, что решил отдышаться, присел под куст джингила, достал из кармана серых брюк сигарету и с удовольствием закурил.

Остальные поливальщики еще копошились на поле. Только смазливая девица приближалась к концу рядов. Члены жюри все поглядывали на нее.

Разморенный жарой и усталостью, Жаманкул только было погрузился в дрему, как над полем прокатилось нестройное «Ур-ра-а-а!» Вздвигнув, он вскочил, оглянулся. Члены жюри попеременно и долго жали красотке руку. Председатель жюри – в ослепительно белой сорочке – даже пылко обнял поливальщицу и расцеловал ее у всех на глазах.

Жаманкул не сообразил, что творилось на картофельном поле. Потом он услышал слова: Товарищи! Первый приз завосвала краса и гордость нашего соревнования, наша всеобщая любимица... Жаманкул кинулся к ликующей толпе. Вид у него был растерянный. Что они там мелют? – лихорадочно думал он. – С ума, что ли, они все походили?!

Пока он добежал, определился и второй призер. Председатель жюри успел уже пожать руку толстому чернолицему верзиле. Жаманкул, едва не лопнув от досады и обиды, с ходу сорвался на крик:

– Эй! Почтенный судья! Бога ты не боишься! Где справедливость, а?! Где, я спрашиваю?!

Он так грозно и решительно замахал длинными, как оглобли, руками, что председатель отступил назад и недоуменно поднял на него глаза. Остальные тоже повернулись к возмущенному Жаманкулу.

– Вы что, уважаемые, не видели, что ли, сколько времени я уже сижу под кустом? Или эта красотка совсем вас ослепила? Когда я

закончил полив, она, бедняжка, стояла еще на полпути и обмахивалась платочком. Это что же получается, а?! Это обман получается...

Толина разволновалась. Кто-то потихоньку хмыкнул. Еще кто-то невнятно пробормотал, что Жаманкул является полноправным участником соревнования и, дескать, в самом деле первым закончил полив.

Председатель жюри, слегка сконфуженный, уткнулся в список, пощипывая глазами и твердым голосом вдруг спросил:

– Так это же вы Каракулов Жаманкул?

– Да, я.

– Ну, правильно! О чем разговор? Вам присуждается третье место.

– Ка-ак?! – поперхнулся Жаманкул, но тут один из членов жюри решительно сунул ему в руку небольшой транзистр и еще какой-то сверток, нажал на кнопку транзистра, и над полем поплыл густой дикторский голос:

Говорит Алма-Ата. Передаем концерт по заявкам передовиков сельского хозяйства.

Тут же кто-то лихо заиграл стремительный кюй на домбре.

Вот собака! – то ли от досады, то ли от восхищения буркнул Жаманкул и на всякий случай улыбнулся.

* * *

О соревновании мирабов Жаманкул рассказывал все лето. В свертке оказалась белая спортивная майка с крупной, красиво выведенной впереди цифрой «3». С этой майкой Жаманкул теперь не расставался. Она словно приросла к его телу. Стоило кому-нибудь на улице невзначай полюбопытствовать, что означает большая тройка на груди, как Жаманкул удивленно вскидывал брови: «Ойбай-ау, выходит, ты до сих пор об этом ничего не знаешь?! И тут же, в который раз! – затевал обстоятельный и красочный рассказ про областное соревнование знатных поливальщиков. Вообще с той поры это событие стало основной темой всех аульных пересудов. Должно быть, то лето потому и сохранилось прочно в памяти кайрактинцев. Оно стало для аулчан своеобразной точкой отсчета, памятной межой в их жизни.

Случается, и теперь еще нет-нет да говорят: Ну, как же, как же, это же было в том году, когда Жаманкул на конкурсе поливальщиков занял третье место...

* * *

И сегодня по давней привычке Жаманкул поднялся с постели чуть свет. Быстро влез в выцветшие рабочие брюки. От частой стирки штанины укоротились, едва доставали до щиколоток, прикрывая голенища высоких резиновых сапог. К тому же, на брюках, в двух-трех местах, выделялись неумело наложенные заплатки. Правда, белая майка, с цифрой «3», благодаря особым заботам, до сих пор сохранила приличный вид. Жаманкул в отличие от брюк носил ее только летом, а уже с осени бережно складывал в сундук.

Он походил туда-сюда вокруг дома, позевал, почесал затылок. Аул еще не проснулся. В летнюю пору все спали на улице. Жаманкул испытывал досаду оттого, что все вокруг спали так безмятежно и сладко.

– Вот дрыхнут, а! – бормотал он про себя. Ни забот, ни горяшка. Один я всакиваю чуть свет и плетусь спозаранок на клеверное поле. А им хоть бы что... Будут храпеть, даже если родник иссякнет... Или, наоборот, весь Кайрак зальет водой. Даже не шелохнутся...

Он походил-походил просто так, без всякой надобности и цели, наконец, опустился на корточки возле треноги и принялся отбивать кетмень. В том не было никакой нужды. Кетмень и без того был отбит. Однако он с размаху принялся тюкать молотком по тоненькой закраине, резким железным лязгом взрывая сонную утреннюю тишь.

Первыми проснулись жена и дети. Потом досадливо подняли головы и перевернулись в постели соседи. Старик, утверждавший, что его теленок подох из-за дурного глаза Жаманкула, резко вскочил, полоснул взглядом неумного сосеца и снова завалился набок, натянув на голову одеяло.

Никто, однако, ни слова не сказал Жаманкулу. А ему так хотелось, чтобы хоть кто-нибудь выразил недовольство. Эх, как бы тогда он обрушился на него. – Что?! – заорал бы Жаманкул на весь аул. – Из-за того, что ты дрыхнешь, как ленивая баба, я не должен отбивать кетмень? Так, что ли? Может, ради твоего покоя мне и клевер не поливать? Может, ты еще прикажешь ночь продлить?

Он, Жаманкул, еще бы построже сказал. Да вот беда – никто не осмелится ему перечить. И хоть пылают в иных глазах гневные искорки, но все в ауле словно воды в рот набрали.

Жаманкул закинул кетмень на плечо и отправился на свое поле. Он уже второй день поливал его, и за это время даже собаки не подпускал к роднику. Походив по рядам, подправил кое-где канавки. Клевер вновь взошел ровно, густо, Жаманкул повеселел. Эх, был бы родник горной речушкой! Пустил бы он ее враз на поле. Какой бы вырос клевер... И представить жутко...

Весь день пропадал Жаманкул на своем участке, зорко следил, чтобы ни один клочок земли не остался без влаги.

* * *

Полдень. Жара. Жаманкул бредет в аул, предвкушая наслаждение от того, как будет сидеть в тени, за самоваром. Неподалеку от аула, вдоль арыка, плетется с кетменем в руке незнакомый мальчик-подросток. Странно... Что ему здесь вдруг понадобилось? После той памятной драки с Муртташем Жаманкул избегал неожиданных встреч. Без лишнего шума, спокойно позвал мальчика к себе. Рыжеватый чубатый подросток послушно подошел, поздоровался.

– Ну, говори – какие заботы тебя сюда пригнали?

Мальчик заговорил торопливо, сбивчиво:

– У нас... это... огород горит, пропадает. Надо срочно полить. Папа сказал, что...

– А кто твой папа?

– Да Коканбай. Не знаете разве? Мы недавно переехали. Хозяин до нас, видно, ни разу не поливал огород. Вот мы и решили...

Подожди, не стрекочи. Тут не вы решаете, а я. Понял?

– Да... но ведь огород...

– Подожди, тебе говорят.

Заладил: – Огород, огород. Я так понял, что ты сын нового ветеринара?

Да-а.

– Ну, так слушай. В этом ауле каждый встречный водой не распоряжается. Для этого необходимо разрешение. А чтобы получить разрешение, – Жаманкул торжественно извлек из кармана изрядно потрепанный блокнот в черном коленкоре, – нужно сначала записаться в эту книжку. Потом... потом нужно терпеливо дожидаться своей очереди.

Та-ак... А дети к этому делу вообще не допускаются. Так что пришли ко мне своего отца. Понял? Так ему и передай.

– Скажи – мои, дескать, слова он, дядя Жаманкул, в счет не берет. И еще... сегодня, к примеру, я занят. Никого не принимаю. А вот завтра... Жаманкул достал карманные часы на длинной цепочке, – завтра в девять утра пусть придет. Или нет... В девять у меня срочное дело. Значит, в десять. Ровно в десять я буду дома.

Подросток потупился, переминаясь с ноги на ногу.

– Вот так, дорогой. Передай папе привет.

Чай пил Жаманкул, по обыкновению, долго. Не отставала от него и жена. Бывало, чашку за чашкой, опустошали незаметно пузатый нятилитровый самовар.

Вот и сегодня, он с наслаждением цедил крутой, коричневый чай, чувствуя, как ровно покрывается испариной, как смягчается, словно оттаивая, кожа. Жена, прихлебывая из блюдца, как бы между прочим, сообщила, что средний сын деверя-писателя привез из Алма-Аты невесту и что его, Жаманкула, пригласили на свадьбу.

Деверем-писателем аульные бабы без злого умысла называли старика Мырзабека. Лет двадцать назад в районной газете была опубликована его крохотная заметка о весенней стрижке овец в совхозном отделении. Это была первая и последняя проба пера почтенного аксакала. Однако слава писателя укрепилась за ним прочно с тех пор.

Жаманкул воспринял весть с некоторым осуждением:

– Что им, обязательно сегодня понадобилось играть свадьбу? Тут люди после трудового дня чай пьют, только-только в пот входят...

Ой, несчастный! По-твоему, они должны откладывать свадьбу, пока ты не пропотешь? Сказал!!! Люди-то уже собрались с верховий и низовий.

Жаманкул от презрения даже скривился:

Люди! Людям этим, я вижу, делать нечего. Им бы только по свадьбам шататься. А вот мы, тут, ни на шаг не отрываемся от клеверного поля. Это как понимать, а?!

В это время в шапке набекрень вошел младший сынишка Мырзабека.

– Жамеке, вас приглашают на пир, – объявил он с порога.

– Э, что еще за пир такой срочный?

– Брат из Алма-Аты приехал. Жену привез. Народ уже давно собрался. Все вас, Жамеке, ждут. Вам доверено потчевать званых гостей.

Жаманкулу это понравилось. Выходит, он самый главный. Без него и мяса не поднесут в чашах?

– Ойбай-ау, тогда чего я тут сижу? Разве можно, чтобы столько людей меня одного дожидались?! Это же неприлично, что я тут, развалившись, чай пью...

Он решительно отодвинул чашку, схватил полотенце, начал вытирать пот со лба. Делал он это своеобразно: скомкав полотенце узловатыми пальцами, дважды – туда-сюда – резко провел по лбу. Будто лопатой греб снег.

– Да, да... надо пойти, – весело продолжал он. – А то как же? Без Жаманкула разве обойдется? Разве можно томить столько гостей? Пойду... Сейчас пойду.

Он накинул на потемневшую от пота майку с цифрой «3» пиджак и поспешно вышел из дому.

Гости и в самом деле оказались уже все в сборе. Те, что не поместились в шести комнатах дома Мырзабека, расположились в саду под тенью деревьев. Жаманкула встретили оживленно. Распорядитель пира громко спросил, с кем следует усадить запоздавшего гостя – со стариками или с молодыми, и хозяин дома твердо ответил, что место Жаманкула среди молодых. Жаманкул расцвел лицом. А тут еще с двух сторон подбежали.

С кумганами и полотенцем в руках двое джигитов – те самые, которые когда-то разнимали повздоривших Жаманкула и Муртташа. Оба так и лебезили перед поливальщиком: Жамеке, подставьте ладошки... Жамеке, помоем руки...

Потом сам хозяин взял Жаманкула под локотек и повел в сад. Жаманкул не чувял под собою ног. «Какая честь! – думал про себя. – Сам почтенный Мырзабек громогласно объявил, что мне нечего торчать среди стариков. Да продлит Аллах твою жизнь, Мырзеке!

Между тем у лукавого старика оказался свой тайный расчет. Ведя поливальщика под руку, он осторожно спросил:

– Ну, как, милый Жаманкул, скоро ли кончишь с поливом клевера?

– Скоро, Мырзеке.

– Хорошо, милый. Небось, ты и сам замечаешь, в каком состоянии наш сад. Все пересохло...

Сейчас Жаманкул был не в силах отказать любезному хозяину:

– Ну, пожалуйста, Мырзеке. Поливайте, сколько надо. О чем разговор?!

Никогда еще Жаманкул не был столь щедрым. По крайней мере с тех пор, как стал знатным мирабом.

* * *

На шумном пиру, среди веселого гама и колготни, Жаманкул, случалось, пропускал стаканчик-другой огненной водицы. И на этот раз он вернулся домой, заметно пошатываясь.

Вечерело. Жена Катмыш хлопотала у входа – готовила чай. Жаманкул, громко сопя, кое-как стянул сапоги и неуверенно направился на почетное место, где была расстелена подстилка. Однако неожиданно споткнулся и едва не наступил на ползавшего у ног сынишку. Жена вскрикнула:

– Ойбай, несчастный, ребенка угробишь!

Буйная душа Жаманкула давно уже искала повода для разрядки. И этот повод нашелся.

– Эй, ты что мелешь?! Почему я для тебя несчастный? Заладила, как сорока: «Несчастный, не-сча-а-аст-ный! – А что я, убогий, что ли, или калека?.. Ты вообще за кого меня принимаешь? Да во всем ауле, если хочешь знать, нет такого человека, который... это... посмел бы мне возразить. Ты скажи – есть хоть один такой, а? – Муртгаш, что ли? А ну, подай-ка сей момент его сюда!

Жаманкул распалился не на шутку. Жена, поняв, что лучше его сейчас не трогать, благоразумно замолчала. Тогда он изловчился и поймал слюнявого сынишку:

– У-у, шенок... Почему путаешься под ногами? А если бы я вдруг на тебя наступил? А если бы нечаянно споткнулся? Или упал и покалечился? Тогда что? Уй, шенок! Уй, песик ты эдакий!.. – В порыве нежности он бурно расцеловал малыша.

Катмыш протянула ему пиалу с чаем, но он опять выкатил на нее блуждающие глаза:

– Эй, ты все-таки мне ответь. Почему я для тебя несчастный? А?! Ты хоть понимаешь, кто я такой? Или не понимаешь?..

– Да отвязись ты! – С досадой отмахнулась жена. – Как выпьешь, так от тебя спасу нет.

Жаманкул, поморгав, спокойно принял из рук жены пиалу.

* * *

Познакомил и свел их когда-то под одну крышу все тот же Мырзабек. Долго ходил Жаманкул в холостяках. Все как-то не везло ему в любви. Может, и прокуковал бы свой век в одиночестве, если бы однажды не вернулся Мырзабек из очередной поездки с доброй вестью:

– Ну, дорогой, радуйся. Высватал тебе невесту. Глаза – что звезды, брови – что месяц, лицо – что луна. Поезжай. Погляди. Полюбуйся. Да спеши, чтобы кто-нибудь ее не перехватил.

У Жаманкула зашло сердце. Не помня себя от радости, тотчас отправился в дом, указанный Мырзабеком. Но, там оказались две невесты. Одна – коротконогая, черная, как показалось Жаманкулу, похожая на закопченный котел. У другой – стройной и гибкой, как тальник, глаза были и впрямь что звезды, брови – что месяц.

Чай разливала черная, а передавала чашку Жаманкулу та, что была похожа на лебедя. Взволнованный гость не мог оторвать от нее взгляда. Она же лишь смущенно опускала черные глаза. Принимая из ее рук чашку, Жаманкул даже сдерживал дыхание.

– Ай, Мырзеке! – С благодарностью поминал он своего благодетеля. – Знает, кого выбирать, кого сватать. Знает, по ком тоскует мое сердце. Лучше я и сам бы не выбрал...

Вернувшись в родной аул, зашел первым долгом к Мырзабеку. Посмотрел. Влюбился. Желая иметь ее женой, – коротко, доложил он.

Через две-три недели привез невесту домой. Привез укутанную, с закрытым лицом, как подобает по старинному обряду. Дома нетерпеливо откинул покрывало и обомлел. Невестой оказалась та, что разливала чай, – коротконогая и чернолицая.

Жаманкул не удержался, высказал свою обиду Мырзабеку. Тот только хмыкнул, промямлил под нос:

– Как же так, дорогой? Когда я смотрел на нее, она кажется, была стройной, да и лицом бела. Видно, так быстро поправилась. А когда разъезжала по аулам, прощаясь с подружками, то и загорела.

И верно. Через несколько дней он привык к молодой жене. А медовый месяц окончательно растопил обиду.

* * *

– Ну, так слушай, жена, – важно начал Жаманкул после того, как обильный пот выступил на лбу.

– Сам Мырзеке сказал – нечего, дескать, ему, Жаманкулу, со стариками сидеть. И сам меня в сад провел. А там сидят, значит, все избранные, важные. Все сплошь ученые. Директор школы. Главный зоотехник с центральной усадьбы. Главный бухгалтер. Главный агроном. Понимаешь, все главные! Ну, и я – само собой – среди них. Главный мираб. Сидим. Разговоры ведем. Рядом со мной – завфермой. Ну, ты знаешь его, нашего Алшеке.

И всем он, представляешь, говорит:

– Жаманкул – один из лучших джигитов нашего аула. Благодаря ему мы всегда обеспечены водой и кормами. Мы намерены такого работника выдвигать выше. Поняла? Так он и сказал выдвигать! И при этом меня по плечу похлопал.

Долгая речь утомила Жаманкула. Он уставился на жену, как бы прося поддержать его в беседе или хоть как-нибудь выразить свое отношение к тому, о чем он рассказывал. Жена, однако, молча прихлебывала чай, и это безразличие вывело его из себя.

– Эй, ты, слышишь, что сказал обо мне Алшеке? Ты что, от жажды умираешь?

– Ты говори, говори... Я слушаю...

– Как это – говори? – Я тебе рассказываю про то, что добрые люди обо мне говорят. Чтобы ты, пустоголовая, соображала, с кем живешь. У других жены с мужьями разгуливают, под боком сидят. А ты?

Посмотрела бы, как меня встречают, как под руку ведут, ты сама бы выросла на глазах людей. Почему не ходишь со мной?

Катыш и на этот раз не проронила ни слова. Разговор сам по себе оборвался. Чай допили молча. Жена убрала посуду, свернула дастархан. Жаманкул пытался встать, даже одну ногу опустил с дощатого настила, и тут Катыш как бы невзначай выдала главную для нее новость дня:

– А сегодня в магазин поступил редкий материал... кримплен...»

– Что?! – Жаманкул резко повернулся к жене. – Достала?

– Откуда?.. Продавец и близко не подпустил.

– Как это – не подпустил? Не могла ему объяснить? Сказала бы, я жена Жаманкула. Он, может, тебя не узнал?

– Почему не узнал?

– А-а... Выходит, я ему не по душе?! Выходит, он может со мной не считаться?!

– Жаманкул от возмущения руками замахал, потом схватил портянки. – Или он забыл, что я хозяйин полноводного арыка? Захочу, так я ему ни капли воды не дам!

Наконец, он намотал портянки и принялся натягивать кирзовые сапоги.

– Так вот, обещаю тебе, до самой осени я оставлю его без полива. Пусть повалится у моих ног.

У берега головного арыка он неуклюже опустился на корточки, долго смотрел на воду. Она текла ровно, и арык показался полнее обычного. Жаманкул восторженно помотал головой:

– Чудеса! Откуда столько воды? Неужели новый источник открылся?

Он оглянулся. Вокруг стояла ночная мгла. Черная вода поблескивала, плескалась у ног. Жаманкулу стало вдруг жутковато. Голова закружилась. Он чуть отодвинулся, но, потеряв равновесие, неловко вытянул ногу и зачерпнул полный сапог воды. С трудом выбравшись на берег, потащился домой.

Жена выгребала золу из глиняной печки во дворе. Жаманкул подошел к ней, подбоченился.

– Арык полнехонький, – радостно сообщил он. – Никто не смеет без спросу брать воду даже ночью. Пусть только попробуют!

Катыш молча постелила ему на настиле. Уснул он сразу, едва коснувшись головой подушки. Но спал тревожно, тяжело. Всю ночь ворочался, метался, что-то невнятно бормотал. И сон приснился чудной. ...Будто стоят они с продавцом друг против друга, а между ними в глубоком арыке течет-плещется родниковая вода.

1974 г.